

ЦИКЛ «ТЮДОРЫ»

ДРУГАЯ КОРОЛЕВА

УКРОЩЕНИЕ КОРОЛЕВЫ

ТРИ СЕСТРЫ, ТРИ КОРОЛЕВЫ

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

**ДРУГАЯ
КОРОЛЕВА**

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Philippa Gregory

THE OTHER QUEEN

Copyright © 2008 by Philippa Gregory Limited

Перевод с английского *Е. Ракитиной*

Художественное оформление *С. Власова*

Грегори, Филиппа.

Г79 Другая королева : [роман] / Филиппа Грегори ; [пер. с англ. Е. Ракитиной]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с. — (Тайные страсти королей).

ISBN 978-5-04-090250-7

Мария Стюарт оказывается в западне. Предательство лордов и неспокойная обстановка в стране толкают ее к бегству. Оказавшись в Англии, она отправляется к Елизавете Тюдор, своей кузине, у которой надеется найти спасение. Но Елизавета не рада родственнице. Поселив Марию в доме Джорджа Талбота и его жены Бесс, она надеется навсегда лишить ее престола. Сможет ли Елизавета осуществить свой план, а семейство, славящееся своей верностью английской короне, устоять перед очарованием опальной шотландки?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090250-7

1568 год, осень, Чатсуорт-хаус,
Дербишир: Бесс

Всякой женщине следует выходить замуж с выгодой для себя, поскольку муж будет представлять ее до самой своей смерти, он все время будет на виду, словно входная дверь ее дома. Выбери она мота, все соседи станут избегать ее, как нищенку; излови герцога, сделается Ее Светлостью, и все готовы будут с ней дружить. Сама по себе она может быть благочестивой, ученой, остроумной, мудрой и прекрасной; но если она замужем за дурнем, она до его последнего дня останется «этой бедняжкой миссис Дурень».

У меня есть основания высоко ставить свое суждение по поводу мужей, ведь у меня их было трое, и каждый, благодать его Господь, служил ступенькой к следующему, пока я не получила четвертого, моего графа, и теперь я «миледи графиня Шрусбери» — никто из известных мне женщин выше не поднялся. Я стала той, кто я есть, делая все, на что способна, и получая лучшую цену за то, что выставляла на продажу. Я — женщина, сделавшая себя сама, — сделавшая, отшлифовавшая и продавшая — и я этим горжусь.

Во всей Англии, право, нет женщины успешнее меня. Потому что, хотя на нашем троне и сидит королева, она оказалась там лишь благодаря ловкости своей матушки и хилости прочих отпрысков ее батюшки, а вовсе не из-за собственных великих дарований. Возьми Тюдора на племя,

и на вторую зиму его придется забить на мясо. Слабые, ничемные создания, этой королеве из Тюдоров следует принять решение: венчаться, сочетаться и размножаться, иначе страна погибнет.

Если она не родит нам славного мальчишку-протестанта, то оставит нас на погибель, ведь ей наследует другая женщина: молодая, суетная, грешная, папистка-идолопоклонница, да простит ей Господь ее заблуждения и да спасет нас от краха, который она нам принесет. О Марии, шотландской королеве, рассказывают то одно, то другое. Но чего никогда не услышишь, ни разу из тысячи слухов, даже если говорит ее преданный обожатель, так это истории о женщине, действующей в своих интересах, думающей о себе и выходящей замуж с выгодой. Если уж в этой жизни женщина — лишь предмет собственности, ей стоит поработать над собой, позаботиться о продаже себя по наивысшей цене и о будущем владельце. А как иначе? Что же, позволить себе скатиться под откос?

К несчастью, столь неразумную молодую женщину навязали мне и моим домочадцам, пусть и на короткий срок, пока Ее Величество Елизавета решает, как поступить с этой крайне неудобной гостьей. Но в королевстве нет дома, где ее смогут так развлечь и — да — устеречь, как в моем. Ни одному мужу в Англии нельзя верить, когда такая Саломея пляшет у него на террасе, кроме моего. Лишь мой дом содержится в таком порядке, что мы можем принять особу королевской крови, как подобает, и обеспечить ей должную безопасность. Лишь мой супруг-молодожен так слепо обожает меня, что ему ничто не угрожает под одной крышей с такой соблазнительницей.

Пока никто не знает об этих планах; решение было принято втайне, моим добрым другом, секретарем Уильямом Сесилом и мной. Как только эта неисправимая королева

явилась в лохмотьях в Уайтхэвен, изгнанная из Шотландии восставшими лордами, Сесил прислал мне с неизвестным посыльным краткую записку, в которой осведомлялся, приму ли я королеву, и я ответила одним словом: да. Да, разумеется! Сесил оказывает мне честь, веря в меня. Подобное доверие влечет за собой великие испытания, а великие испытания приносят великие награды. Нынешний, елизаветинский, новый мир создан для тех, кто способен увидеть возможность и воспользоваться ею. Я предвижу почести и богатства, если мы сумеем принять королевскую родственницу и присмотреть за ней. Сесил может на меня положиться. Я стану ей стражем и другом, дам дом и пропитание, я буду обращаться с нею по-королевски, с почтением, у меня она будет в безопасности, как пташка в гнезде, до тех пор, пока Сесил не назначит день, и я передам ее, в целости и сохранности, нанятому им палачу.

1568 год, Хэмптон-корт: Джордж

За мной никто не стоит. Суждение мое не купишь. Я не наемник. Я не шпион Сесила и не нанятый им палач. Ей-богу, хотел бы я оказаться не в Лондоне, по этому дурному делу, а дома, в Чатсуорт-хаусе, с любимой моей непорочной женой Бесс, в сельской простоте, подальше от заговоров и опасностей двора. Не скажу, что я счастлив. Не скажу, что мне это нравится. Но я исполню свой долг — видит бог, я всегда исполняю свой долг.

— Вас призвали именно для того, чтобы отдать приказ о казни Марии, королевы Шотландии, — шипит мне на ухо Томас Говард, догнав меня в галерее Хэмптон-корта.

Ставни закрыли, чтобы почистить, и во дворце в начале вечера сумрачно. Кажется, что с портретов на стенах смотрят бледные свидетели, склонившиеся вперед, чтобы

расслышать, как Говард, взяв меня за руку, предостерегает меня об опасностях, которых я уже боюсь.

— Нам нужно бросить на нее подозрение. Больше ничего. Не обманывайте себя. Сесил решил, что эта королева угрожает государству, едва она родилась. Она может думать, что сбежала от шотландских врагов в английское убежище; но она лишь сменила одну опасность на другую. Сесил решил, что она должна умереть. Он в третий раз пытается ее приговорить. Нам придется быть палачами по его приказу, выбора у нас нет.

Я смотрю на Говарда сверху вниз; он невысок, хорошо одет, опрятен, его черная борода хорошо подстрижена, глаза у него живые и темные. Нынче он почти пританцовывает от ярости на королевского министра. Мы все презираем Сесила — все мы, родовитые лорды, но Говард задет сильнее прочих. Он — двоюродный брат королевы, глава рода Говард, герцог Норфолк, он мог рассчитывать, что станет главным советником королевы — но она полагается на Сесила, она всегда на него полагалась.

— Королева лично повелела мне расследовать поведение своей кузины, королевы шотландской. Я не палач, — произношу я с тихим достоинством.

Мимо проходит человек, чуть замешкавшись, словно прикидывает, не подслушать ли наш разговор.

Говард качает темной головой, поражаясь моей наивности.

— Елизавета, возможно, и желает очистить имя шотландской королевы. Но Уильям Сесил не славится добросердечием. Он хочет, чтобы протестанты правили Шотландией, как и Англией, и чтобы королева-католичка была в тюрьме или в могиле. Его устроит и то, и другое. Он ни за что не согласится с тем, что она ни в чем не виновна и ей нужно вернуть трон.

Я не в силах спорить с раздраженной праведностью Говарда. Я знаю, что он говорит чистую правду. Но говорит он ее, на мой взгляд, слишком громко и слишком внятно. За gobеленами может прятаться кто угодно, и, хотя незнакомец прошел мимо, он, должно быть, что-то услышал.

— Тише, — говорю я, увлекая его к скамье, чтобы можно было пошептаться.

И вот мы уже похожи на заговорщиков, но нынче все при дворе похожи на заговорщиков или шпионов.

— Что мы можем сделать? — тихо спрашиваю я. — Сесил назначил расследование, чтобы получить свидетельство против шотландской королевы, чтобы рассудить, нужно ли возвращать ей трон, может ли она править. Что мы можем сделать, чтобы обеспечить ей справедливый суд?

— Мы должны ее спасти, — твердо говорит Говард. — Должны заявить, что она невиновна в убийстве мужа, и вернуть ей шотландский трон. Должны принять ее право быть наследницей Елизаветы. Она должна быть объявленной наследницей английской короны, когда...

Он умолкает. Даже Говард не смеет упоминать о смерти своей кузины королевы.

— Когда придет время. Только объявление Марии Стюарт наследницей позволит нам успокоиться, зная имя следующего монарха. У нас есть право знать наследника. Нужно бороться за ее дело, как за свое собственное.

Он видит, что я колеблюсь. Мимо проходят несколько мужчин, с любопытством глядя на нас. Я понимаю, что мы привлекаем внимание, и встаю.

— Пройдитесь со мной, — говорит Говард. — И слушайте. Нужно бороться за ее дело, как за свое, потому что оно и есть наше. Скажем, мы позволим Сесилу ее заточить или склеить дело об убийстве и обвинить ее. Что, думаете, будет дальше?

Я жду.

— Что, если дальше он решит, что угрозу для королевства представляю я? А дальше? Что, если после меня он назовет вас?

Я пытаюсь рассмеяться.

— Едва ли он обвинит вас или меня. Мы — лучшие люди Англии. Я — крупнейший землевладелец к северу от Трента, а вы кузен королевы и герцог.

— Да. Поэтому мы в опасности. Мы его соперники в борьбе за власть. Он уничтожит любого, кто встанет у него на пути. Сегодня перед его судом предстанет королева Шотландии. Завтра, возможно, я или любой, кто посмеет бросить ему вызов: Перси, Дакр, Сассекс, Арундел, Дадли, северные лорды, вы. Его нужно остановить, — говорит Говард, и голос его глухо рокочет у меня в ухе. — Вы бы не захотели его остановить, если бы могли?

— Это невозможно, — осторожно отвечаю я. — Королева вольна выбирать себе советников, и ему она верит как никому. Он подле нее с тех пор, как она была юной принцессой. В чем мы можем его обвинить?

— В краже испанского золота! В том, что он толкнул нас на грань войны! Сделал Францию нашим врагом! Довел полстраны до измены постоянными подозрениями и слежкой за теми, кто хотел всего лишь молиться на старый лад! Взгляните на двор! Вы когда-нибудь испытывали при дворе такой страх? Он полон шпионов и заговоров.

Я киваю. Отрицать это невозможно. Страх Сесила перед папистами и его ненависть к иностранцам преследуют Англию.

— Последнее идиотство Сесила хуже всего, — в ярости говорит Говард. — Корабль укрывается от непогоды в нашей гавани — и его захватывают! Он превращает нас в нацию пиратов, море будет небезопасно для наших судов!

Я не могу не согласиться. Испанский казначейский корабль прибило в Плимут, где он ожидал найти убежище, и Сесил, сын бедняка, не смог устоять перед золотом, которое было на корабле. Он украл золото — вот так, попросту. И теперь испанцы грозят торговой блокадой, а то и войной, если мы все не возместим. Мы кругом не правы, все потому, что Сесил кругом не прав; но его слушает королева Англии.

Говард не без труда справляется с раздражением.

— Да не попустит Господь, чтобы мы дожили до того дня, когда вы придете ко мне и скажете, что я был прав, опасаясь его, что нам надо было себя защитить, но теперь уже поздно и кого-то из нас уже судят по ложному обвинению. Да не попустит Господь, чтобы Сесил забирал нас, одного за другим, а мы оказались слишком доверчивы, чтобы защититься.

Он на мгновение умолкает.

— Его власть — власть страха. Он заставляет нас бояться воображаемых врагов, чтобы мы не защищались от него и от наших властей. Мы слишком заняты слежкой за иностранцами — и забываем следить за своими друзьями. Как бы то ни было, будьте осмотрительны, и я тоже постараюсь. Я пока не стану больше высказываться против Сесила. Вы же никому не расскажете? Ни слова?

Взгляд, брошенный им на меня, убеждает сильнее любых доводов. Если единственный английский герцог, родственник самой королевы, боится, что о его словах донесут человеку, который должен быть всего лишь королевским слугой, значит, слуга стал слишком могущественным. Мы все начинаем бояться, что Сесилу что-то станет известно, бояться его сети доносчиков, его растущей тихой власти.

— Все останется между нами, — тихо отвечаю я.

Оглядываюсь, чтобы удостовериться, что нас никто не подслушивает. Меня самого поражает, что я, один из знат-

нейших графов Англии, и Говард, единственный английский герцог, вынуждены опасаться чужих ушей. Но что есть, то есть. Вот во что превратилась Англия на десятом году правления Елизаветы: в страну, где человек боится собственной тени. А за эти десять лет мою Англию, похоже, наводнили тени.

1568 год, зима,
замок Болтон: Мария

Я отказываюсь, решительно отказываюсь носить что-либо, кроме своих платьев. Мои прекрасные платья, мои меха, воротники из тонкого кружева, мой бархат, мои шитые золотом юбки — все это осталось в Холируд-хаусе, пересыпанное ароматной пудрой, висит в муслиновых чехлах в гардеробной. Когда я выехала с Ботвеллом, чтобы преподать мятежным лордам урок, на мне были доспехи, но оказалось, что я и не учитель, и не королева, потому что меня разбили, арестовали, а на Ботвелла открыли охоту, как на преступника. Меня заточили в тюрьму, и я умерла бы в Лохлебенском замке, если бы мне не хватило ума сбежать. Теперь в Англии обо мне думают, что я пала так низко, что стану ходить в обносках. Думают, что я достаточно унижена, чтобы радоваться платьям с плеча Елизаветы.

Они, должно быть, ума лишились, если считают, что могут обходиться со мной, как с простой женщиной. Я женщина не простая. Я наполовину божественна. У меня свое место, единственное в своем роде, между ангелами и знатью. На небесах есть Бог, Богородица и Ее Сын, а ниже, как придворные, ангелы разных чинов. На земле, как и на небе, есть король, королева и принцы; а ниже знать, дворяне, рабочий люд и нищие. Ниже всех, над самыми зверями, стоят бедные женщины: женщины, у которых нет дома, мужа или состояния.

А я? Я едина в двух лицах: второе в мире существо — королева; и низжайшее — женщина, лишенная дома, мужа и состояния. Я трижды королева, потому что родилась королевой Шотландии, дочерью Иакова V Шотландского, вышла замуж за дофина Франции и унаследовала после него французскую корону, и я в своем праве, единственная истинная и законная наследница английского трона, поскольку прихожусь правнучатой племянницей королю Англии Генриху VIII, хотя его незаконная дочь Елизавета и захватила мое место.

Но voilà! Вместе с тем я — низжайшее из созданий, бедная женщина, лишенная мужа, который дал бы ей имя и защиту, потому что мой муж, король Франции, прожил всего год после нашей коронации, мое королевство, Шотландия, подняло против меня злодейское восстание и изгнало меня, а мои притязания на английский трон отвергает бесстыжая рыжеволосая Елизавета, бастард, занявший мое место. Я, кому должно быть величайшей женщиной Европы, пала так низко, что лишь поддержка Елизаветы спасла мне жизнь, когда шотландские мятежники захватили меня и угрожали казнить, и живу я теперь в Англии по ее милости.

Мне всего двадцать шесть, а я уже прожила три жизни! Я заслуживаю высочайшего места в мире, но занимаю самое низкое. Но я все еще королева, я трижды королева. Я родилась королевой Шотландии, была коронована королевой Франции, и я наследница английской короны. Можно ли думать, что я стану носить что-то, кроме горностаев?

Я сказала своим фрейлинам, Мэри Ситон и Агнес Ливингстон, что они могут передать моим хозяевам, лорду и леди Скруп из замка Болтон, что все мои платья, мои любимые вещи и личную мебель следует немедленно пере-

везти из Шотландии и что я не стану носить что-то, кроме своей красивой одежды. Сказала, что скорее оденусь в лохмотья, чем соглашусь на что-то, кроме платьев королевы. Сяду на пол, если не могу сидеть на троне под королевским балдахином.

Это моя маленькая победа: они бросились мне повиноваться, и по дороге из Эдинбурга тронулись повозки с моими платьями, моим бюро, бельем, серебром и мебелью; но, боюсь, я лишилась драгоценностей. Лучшие из них, в том числе мои бесценные черные жемчуга, исчезли из ларцов. Это лучший жемчуг в Европе, три нитки безупречно подобранных черных жемчужин, и все знают, что они принадлежат мне. Кто может быть настолько порочен, чтобы нажиться на моей беде? Кто посмеет надеть жемчуга королевы, похищенные из разоренной сокровищницы? Кто падет так низко, что возжелает их, зная, что их у меня украли, пока я боролась за свою жизнь?

Мой сводный брат, должно быть, вломился в мою сокровищницу и украл их. Мой лживый брат, клявшийся мне в верности, предал меня; мой супруг Ботвелл, клявшийся, что одержит победу, разбит. Мой сын Иаков, возлюбленный мой сын, мой малыш, мой единственный наследник, которого я поклялась защищать, в руках моих врагов. Все мы прокляты, все мы предатели, всех нас предали. И я в одном могу чем прыжке на свободу — каким-то образом снова попалась.

Я думала, что моя кузина Елизавета сразу поймет, что, если мой народ восстал против меня в Шотландии, ей в Англии тоже грозит опасность. Есть ли разница? Rien du tout!¹ В обеих странах мы правим беспокойным народом, охваченным религиозными разногласиями, говорящим на одном

¹ Вовсе нет! (*фр.*)

языке, страстно мечтающим о надежном короле, но не нашедшим никого, кто мог бы сесть на трон, кроме королевы. Я думала, она поймет, что мы, королевы, должны держаться вместе, что если подданные свергли меня и объявили шлюхой, что помешает им подняться против нее? Но она такая тугодумка, господи! Такая тугодумка! Нерасторопная, как олух, а я не терплю лени и глупости. Я требую, чтобы меня безопасно переправили во Францию, — ведь моя французская родня тут же восстановит меня на шотландском троне, — а она болтает чушь и мнетса, она затевает расследование, посылает за законниками, и советниками, и судьями, и все они заседают в Вестминстерском дворце.

Что они судят, во имя Господне? Что расследуют? Что тут знать? Exactement!¹ Нечего! Они говорят, что мой муж, глупец Дарнли, убил Давида Риччо, я поклялась отомстить и убедила своего следующего любовника, графа Ботвелла, взорвать кровать Дарнли порохом, а потом удушить его, когда тот нагишом бежал через сад.

Безумие! Будто я позволю покуситься на особу королевской крови, даже для того, чтобы отомстить. Мой муж должен быть так же неприкосновенен, как я сама. Особа королевской крови священна, как божество. Будто кто-то, обладай он хоть половиной ума, затеет такой нелепый заговор. Только глупец станет взрывать весь дом, чтобы убить одного человека, когда того можно легко задушить подушкой, пока он храпит пьяный! Будто Ботвелл, умнейший и опаснейший человек в Шотландии, задействовал бы полдюжины подручных и несколько бочек пороха, когда хватило бы темной ночи и острого ножа.

И наконец, самое худшее: они говорят, что в награду за это неумелое убийство я сбежала с убийцей, графом Бот-

¹ Вот именно! (*фр.*)